

Профессия — журналист

Право слово, сначала не поняла, почему редактор Валериан Ильич сказал, что хочет назначить меня ответственным секретарём газеты. Я испугалась. Сколько знала — на этой очень серьёзной должности до меня работали настоящие мэтры газетного дела: Анатолий Васильев, Василий Титенко, Анатолий Волков, Юрий Дорогов, Сергей Захаров и только одна женщина — Галина Воронина. О ней, работавшей в редакции задолго до моего прихода, ходили просто легенды: умная, требовательная, инициативная, сейчас бы точно сказали — креативная. И вдруг — я?! Коллеги убедили: соглашайся, не боги, мол, горшки обжигают, да и перспектива профессиональная светит — почти все бывшие ответсекретари стали потом редакторами городских и районных газет. Меня вполне устраивала моя работа в отделе, карьера заместителя совсем не прельщала, я знала, что при такой нагрузке не смогу контролировать даже по телефону двух своих подрастающих сыновей. И всё-таки решилась — скрепя сердце передала свой отдел советского строительства, писем и новостей Галине Бесхлебной, работавшей тогда простым литературным сотрудником в отделе партийного строительства.

Новая работа полностью захватила меня, и хотя до этого больше года редактор поручал мне делать макеты целевых полос по работе Советов, по письмам трудящихся, он сам проверял и утверждал эти макеты. Это потом я поняла, что именно так Сергеев учил корреспондентов профессионализму и мастерству газетного дела (светлая ему память!). Теперь же мне пришлось ох как несладко: номер в печать подписывался привычно часов в восемь-девять вечера, а не концу рабочего дня. А дома у меня дети-школьники — контроль урывками по телефону, супруг-вертолётчик вечно в командировках.

Человек я увлекающийся, новое дело всерьёз заинтересовало: с макетами и подготовкой номера в печать оперативно справлялась, редактор их утверждал, а вот вычитывать и выправлять тексты коллег просто боялась — у них опыт работы

в газете куда больше моего, перед материалами одного только Сани Брежнева робела. Но и тут шеф убеждал быть смелее. «Язык,— говорил он,— вы знаете отлично, а внимание обращайтесь в первую очередь не на фамилию автора, а на орфографию, пунктуацию, стиль изложения».

Задачи стояли нелёгкие — кроме подготовки материалов к публикации, пришлось думать, как справиться с производством номера в рабочее время, до шести вечера, чтобы не только у меня, но и у других сотрудников была возможность общения с семьёй. В течение двух-трёх месяцев, уплотняя день, мы решили эту проблему. А потом я вдруг спохватилась: почему давным-давно в газете нет заметок и зарисовок Алексея Бондаренко? Бесхлебная мне подтвердила: писем от моего автора нет уже давно; возможно, предположила она, тому сейчас не до нашей газеты: он по направлению краевого и городского комитета КПСС, по рекомендации редакции газеты «Енисейская правда» направлен на учёбу в Хабаровскую высшую партийную школу. Я этого не знала, но Галина Григорьевна мне пояснила: «Ты тогда в отпуске была, в отъезде, а не согласовывали с тобой потому, что ты беспартийная».

В июле 1980 года сообщает мне Валериан Ильич, что на место заместителя редактора — ответственного секретаря газеты (то есть на моё место) краевой комитет КПСС направляет выпускника факультета журналистики Хабаровской ВПШ Алексея Марковича Бондаренко. Редактор, судя по всему, был не очень рад направлению в его коллектив «маковского графомана» (иначе он этого внештатного автора и не воспринимал). Про себя помню точно: совсем не расстроилась — проработав около полугода замом, приобрела опыт, но упустила что-то важное в воспитании детей, и первым чувством была внутренняя радость, она затмила всё. А шефу, видимо, было неудобно передо мной: столько убеждал, добился желаемого результата, а тут такой поворот. «У Бондаренко,— словно оправдывался он,— преимущество — он член КПСС, а вас на эту должность горком партии утвердил в порядке исключения».

И уже через несколько дней Алексей Маркович Бондаренко пришёл в «Енисейскую правду» заместителем редактора — ответственным секретарём. Редактор представил его коллективу, но оставил меня в своём кабинете, а новому заму определил место в пресс-холле, в большой проходной комнате, где мы проводили планёрки, собрания и коллективные

предпраздничные мероприятия. Шеф, это я поняла сразу, не давал возможности новому сотруднику почувствовать себя заместителем редактора, не советовался с ним по кадровым вопросам, по проблемам газеты, по начавшейся подписке, а только доверил работу ответственного секретаря — как он говорил, главного инженера в производстве газеты. Видели мы, как Сергеев по нескольку раз в день «гонял» красного от волнения Бондаренко на переделку макетов, а тот, пробегая по коридорам, не замечал никого, в том числе и меня, будто за годы учёбы в партшколе забыл о нашей бывшей дружбе. А на планёрках редактор беззастенчиво отчитывал ответственного секретаря, плохо освоившего за годы учёбы газетное производство — в частности, подготовку макетов.

Я вернулась в свой отдел, к сессиям городского и районного советов, к освещению работы постоянных комиссий и депутатских групп, к новостям и письмам трудящихся. Меня же Алексей по-прежнему игнорировал. Выдержав недолгую паузу и когда редактора не было на месте (не хотела лишних от него назиданий), я зашла в пресс-холл и с порога спросила: «Алёша, в чём дело? К чему такой официоз — обращение по отчеству? Забыл, что наши отношения до твоей учёбы были несколько иными?» И тут мой «маковский графоман», залившись краской до самых кончиков волос, чуть ли не со слезами выдавил из себя: «Я же занял твоё место, ты потеряла должность, высокую зарплату, мне редактор объяснил ситуацию...»

Нескольких минут хватило прояснить эту «ситуацию», и я предложила своему другу помощь в подготовке макетов. Он с радостью согласился: «Нас в школе макетированию специально не учили». И решили мы какое-то время делать макеты предстоящего номера вместе. Вечерами, а чаще всего в выходные дни, Алёша приезжал ко мне домой, привозил пустые макеты, список материалов с указанием заголовков, рубрик, количеством строк, наличием и размерами снимков, кратко рассказывал содержание материалов. И мы вместе, благо у меня был запасной строкомер, делали макеты, определяя, как учил редактор, «гвоздь» номера и каждой полосы. Дело пошло. Может, Сергеев и догадывался о чём-то, но виду не подавал. И на планёрках стало спокойнее: он не хвалил Бондаренко, достаточно, что больше не унижал.

Через полгода, наверное, уже зима пришла, новому заместителю редактора исполком горсовета выделил

двухкомнатную квартиру — неблагоустроенную, с большой печкой, с привозной водой, на втором этаже старого деревянного двухэтажного дома со скрипучей лестницей на углу улиц Бабкина и Фефелова. И вот решили Бондаренко в узком кругу отметить новоселье, пригласив редактора с супругой Валентиной Александровной и меня с мужем Владимиром, благо между собой мы были знакомы. Квартирка сияла свежестью и чистотой: Марина была работающей и хорошей хозяйкой, да и Алексей, выросший без отца, умел делать всю мужскую работу; как говорится, у такого из рук ничего не выпадет.

Стол накрыт, вино подано, разговор пошёл в основном о собственной (слава Богу!) крыше над головой новосёлов, об успехах хозяина дома на новом поприще. Обычно скупой на похвалу Сергеев даже на несколько добрых слов в адрес своего зама сподобился...

Всё прошло бы тихо и мило, но встала из-за стола и вышла в прихожую Марина. Вернулась в накинутой на плечи дублёнке, что привёз мне недавно муж из командировки на Север. Встав у стола, Марина, или не подумав, или перебрав вина, заявила: «Мне Лёшка тоже дублёнку купит, как только редактором станет; вы же, Валериан Ильич, скоро на пенсию уйдёте» (а тому и пятидесяти лет тогда не было).

...Вот в таких случаях и говорят: повисла мёртвая тишина.

У Алексея, казалось, побагровели не только голова и шея, но даже глаза; лицо Сергеева словно застыло — стало серым и непроницаемым; Валентина Александровна втянула голову в плечи.

Пауза затянулась...

И только изменившийся голос супруги шефа нарушил её: «Тамара Филипповна, не пора ли нам домой?» Мы встали и пошли одеваться, хозяева нас не удерживали. Молча дошли до машины, я была в этот день извозчиком и не пила алкоголя. Так же молча Сергеевы вышли у своего подъезда. «Ну и сморозила Марина, — подытожил новоселье мой муж, — одной глупой фразой решила Лёшкину судьбу». И оказался прав.

В понедельник редактор не выказал никакого отношения к субботнему происшествию, не было никакой возможности обсудить ситуацию и у нас с Алексеем. Весь день он был чернее тучи. Закончив последние в этот день дела, я села в машину, чтобы ехать домой: в конце переулка стоял Алексей, он ждал меня. Отъехав подальше от центра города в конец улицы Партизанской, мы остановились переговорить.

«Видимо, закончилась моя журналистская карьера, редактор этого не простит, он же решил, что я хочу его подсидеть,— печально откровенничал Алексей.— А мне стало нравиться делать газету, да и коллектив у нас хороший, дружный. Я ведь всю жизнь мечтал о работе в газете. С тех пор, как стали печатать в „Енисейской правде“ мои письма, с восторгом воспринимал то, как вы, журналисты, из моих корявых заметок умудрялись делать приличные рассказы. И сам хотел стать таким же профессионалом. Значит, не судьба...»

Конечно, редактор не забыл то новоселье у своего зама и, как показало время, всегда видел в Бондаренко соперника. Хотя зря: Алексей — человек мягкий, уступчивый, временами вспыльчивый, но отходчивый, он никогда бы не смог заменить Сергеева — не с его характером быть строгим и требовательным редактором. Наш шеф (Царствия ему небесного!) был очень талантливым руководителем, умным, терпеливым, умеющим жить в ладу с любой властью, с любым главой города и района. Постигать профессию газетчика рядом с таким высококлассным и опытным специалистом — большая школа. Это я прочувствовала на себе за двадцать семь лет. Уважение к нему как к высококлассному журналисту испытывали все, кто не один год работал вместе со мной под его началом: Сергей Захаров, Зинаида Пантелеева, Людмила Завгородняя, Елена Дмитриева, Галина Бесхлебная и те, кого уже нет в наших рядах, — Василий Титенко, Анатолий Васильев, Юрий Дорогов, Александр Брежнев, Галина Канкеева, Алексей Кузнецов, Олег Козупица.

В общей сложности проработал Бондаренко в газете полтора года, до декабря 1981-го. Морально ему было очень трудно, он избегал всяческих контактов в коллективе, общался только по необходимости. А о проблемах в личной жизни не говорил даже со мной — видимо, мужская гордость не позволяла, хотя по телефону мы обсуждали многие вещи довольно откровенно. И тот случай на новоселье мы вспоминали не раз. Видимо, глупый выпад Марины вызвал не просто семейный скандал, но и проложил между супругами глубокую трещину.

...Они поженились рано — Марине ещё и семнадцати не было, Лёша на два года постарше. Сын Юрий и дочь Ирина родились один за другим. А жизнь показала, какие супруги разные: она, по-женски простоватая, не получившая образования, как мать и хозяйка дома вполне устраивала деревенского парня, хотя не понимала Марина его тяги к писательству, не

читала ничего из написанного, не радовалась вместе с ним появившимся в районной газете публикациям.

Не подозревала жена Алексея, какая судьба ждёт человека, жившего рядом с ней, с жадностью изучающего окружающий мир, законы тайги, жизнь и повадки птиц и зверей, постоянно повышающего свой интеллектуальный статус, изучающего самостоятельно историю живописи и музыки, много читающего и научившегося интересно, а главное, талантливо излагать свои мысли и впечатления на бумаге. И даже учёбу супруга в Хабаровске Марина приняла как подарок ей. Пожив три года в большом городе, не обременённая работой, поняла вдруг свою женскую значимость. А она действительно была хороша собой: высокий рост, статная фигура, симпатичное лицо...

Вернувшись в родные края, наскучавшись по тайге, по охоте, Алексей в любую свободную минуту — в выходные, в праздники, в отпуск — рвался из Енисейска в Маковское... А жена, лишённая мужнего внимания и ласки, как говорится, нашла себе другого. Оставшись один, Алексей Маркович метался, как зверь в клетке. Я теперь вспоминаю, почему в то время наше общение было поверхностным, я была не очень внимательна к нему: видимо, проблема с младшим сыном отняла у меня все другие эмоции. Алексей же был одинок, очень одинок, и поддержать его в трудный период было некому.

Да и работа в газете была не в радость — нескрываемая неприязнь редактора отравляла душу. Хорошо, что были рядом такие же, как он, любители сибирской природы, понимающие чувства настоящего мужчины и бывалого таёжника. Поддержал тогда Алексея директор Енисейского лесхоза Дмитрий Фёдорович Железовский, взяв в штат егерем. Время было благодатное для будущего писателя: таёжные просторы, подбитые сохатиной шкурой охотничьи лыжи, тяжёлый рюкзак за спиной, двустволка, готовая в любую минуту буквально взлететь с плеча, и ежедневно многочасовая погоня с собакой по едва заметному на снегу соболиному следу не мешали наблюдению охотника за повадками птиц и зверей. Возвращаясь вечером в тесную избушку, отдохнув часок на жёстких нарах, он садился к окну, перед ним — чистый лист бумаги и магия творчества под бликами дымящейся керосиновой лампы.

В то время из-под пера Алексея Марковича вышли не просто рассказы, а полноценные повести: «Урочище Глухое», «Милицейская фуражка», «Вынужденная посадка», повести

в рассказах от лица охотника Маркельча. Позднее они вошли в его книгу «Птица с железным клювом». Он приносил мне исписанные круглым почерком листы, я выправляла тексты и отдавала в типографию в набор, чтобы во время отпуска редактора, пользуясь правом ВРИО, давать их на четвёртой полосе.

Валериан Ильич отдыхать на югах не любил, отпуск проводил в городе или на даче. Время от времени, приходя с контролем в редакцию, выговаривал мне: «Опять на четвёртой полосе у вас Бондаренко. Что, поставить нечего?» Я привычно парировала: «Вы ушли в отпуск вместе с бухгалтером, шофёром, двумя корреспондентами, а как нам, оставшимся, добывать информацию, что ставить в номер? Бондаренко у нас не в штате, пишет интересно, грамотно, читатели ждут, повода для отказа в публикации нет. А на последнюю полосу вместо Бондаренко я что — сама лягу?» Эта шутливая фраза, оказывается, жила ещё долго после моего ухода из редакции.

...Когда в лесхозе произошло сокращение, глава Енисейского района Анатолий Петрович Михайлов пригласил Алексея Марковича начальником отдела культуры, тот согласился, но ненадолго: «Не по мне, Тамара, эта чиновничья упряжь!» Нашёл Михайлов для безработного журналиста и выпускника ВПШ другую должность — председателя сельского совета в Озёрном, молодом селе, расположившемся на пустующих в последние десятилетия обширных колхозных полях. Здесь, в Озёрном, Бондаренко получил большую благоустроенную квартиру в двухквартирном доме, с большим приусадебным участком, надворными постройками, куда и привёл вторую жену Людмилу

**В бору у Монастырского озера.
Алексей Маркович Бондаренко,
Людмила Юрьевна и Тамара Колесник-Добринская. Енисейск, 2010 год**

Юрьевну — милую и добрую женщину, школьную учительницу, ставшую на три десятилетия его музой, помощницей и соратницей. Я удивлялась и восхищалась: супруги разрабатывали огород, выращивали картошку и овощи, даже корову завели. И со всем этим хозяйством справлялись всегда вместе.

В этой половине дома хлебосольные супруги Бондаренко встречали гостей, и я благодарна им и судьбе, что не единожды сидела здесь за одним столом с другом и учителем хозяина Виктором Петровичем Астафьевым. А потом в небольшом кабинете писателя мы втроём разбирали «изрисованные» красным редакторским фломастером авторские листы. Вспоминали, как по телефону спорили по поводу каждой правки. Мудрый Астафьев весело смеялся вместе с нами: он знал, что такое работа с рукописными текстами...

До конца своих дней Алексей так и не овладел ни машинным, ни компьютерным набором, он писал обыкновенной шариковой ручкой, а Людмила Юрьевна, его Люся, его Пчёлка, сидела за компьютером по ночам, чтобы ничто и никто не отвлекал от работы, и разбирала исчерканные автором рукописи. В последние годы и я, редактируя книги Алексея Марковича Бондаренко, работала уже с набранными на компьютере текстами...

Так одно за другим рождались произведения самобытного автора, члена Союза писателей России, пронёсшего через всю свою жизнь две страсти — охоту в тайге и писательство...